

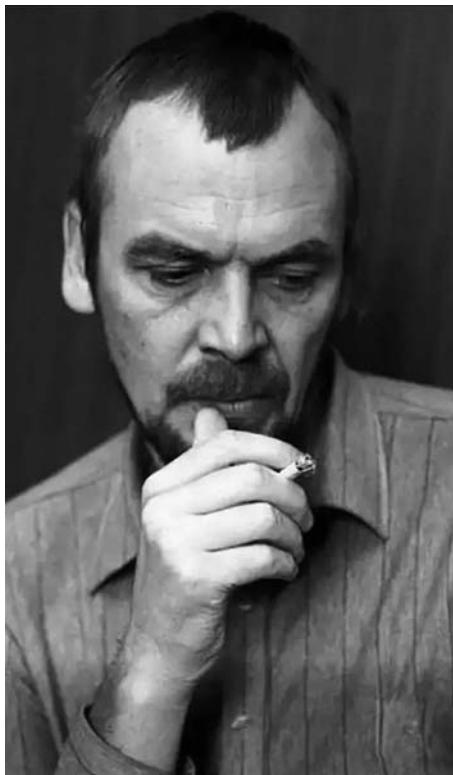
ОСОБЕННЫЙ...

Татьяна ОРЛОВА — актриса Театра имени Вл. Маяковского, заслуженная артистка России, почетный деятель искусств города Москвы, известна широкому кругу зрителей по работам не только в театре, но и в кинематографе. В 1973–78 гг. училась в ГИТИСе на курсе А.А. Гончарова вместе с Эймунтасом Някрошюсом...

Невосполнимо. Невозможно. Безумно печально и горько. Я не разделяю ту точку зрения, что незаменимых у нас нет. Нет равнозначных. И такого больше нет. Не было. И не будет...

Мы с Эмисом Някрошюсом учились на одном курсе. Позволю себе так его называть, потому что полным именем — Эймунтас — мы его никогда не звали. Я училась в актерской группе, он в режиссерской, а поскольку курс актерско-режис-

Эймунтас Някрошюс

серский, то занятия посещали все вместе. На первом курсе все студенты показывают наблюдения за животными. Я помню только его этюд, больше ничей. Парадоксально, что я это помню, потому что он часто потом везде говорил, что совсем не актер. Он показывал обезьяну, причем, не маленькую. Типа орангутана. Эмис сам был крупный. Я помню, как это было удивительно и точно. А он не старался совсем. Все студенты стараются, а у него это очень легко получилось. Он такой северный, настоящий мужик, и эта харизма, как сейчас принято говорить, в нем была, ее было очень видно. Молчаливый, неразговорчивый, не могу сказать, что угрюмый, но думающий. Подойдешь, спросишь, он ответит. Поскольку русским языком владел не настолько хорошо, то отвечал односложно.

Когда начали ставить отрывки, у Эмиса они были особой формы, не как у всех. Нас же учили реалистическому театру, как положено, и все показывали этюды именно в этой форме. А он был другой. Придумывал странные и непонятные отрывки. Не по школе. И уже потом он стал работать в этом своем ключе, в своей манере, с определенной формой. А тогда, в институте, Гончаров, конечно же, стал его учить. Он преподавал социалистический реализм, а здесь вдруг возникали вещи, в которых нет логики. Уже потом, когда Эймунтас Някрошюс стал приводить большие спектакли, все стали понимать, что это символизирует, что обозначает. Я уже в институте поняла, что этот парень, этот Эмис Някрошюс, он... особенный. Слова «гениальность» тогда не возникало, хотя между собой мы примерно так о нем говорили, и я лично ему гово-

Дипломный
спектакль
«Борцы».
Х. Джалаф,
Т. Орлова,
Э. Някрошюс

рила. Глядя на его отрывки, было очевидно, что ученик иногда круче своего учителя. Другое мы могли понять и разобрать, а у него была какая-то странность. Мы же тогда не видели ничего, никто к нам не приезжал, мы жили за «железным занавесом» с убеждением, что у нас все хорошо и мы самые лучшие. А он начал показывать очень необычно. Мы, конечно, не «доглядели», что это.

А еще он был настоящий мужчина. Однажды Гончаров мне говорит: «Мало двигаешься!». Во втором семестре нам предстояло делать отрывки в малом зале Театра Маяковского. Наверху, где осветительская будка, есть балкончик — от пола метра три. Я придумала этюд, как я убегаю от брата — уж двигаться, так двигаться. Мы играли с Сережей Рубеко. Что-то там мы спорили, кричали, я на лестницу, он за мной, и я должна была прыгнуть с этого балкона вниз. Странновато было, и я просила всех парней на курсе, чтобы прыгнули, а я бы со стороны посмотрела. Никто не согласился. Подожу к Някрошюсу: «Слушай, можешь прыгнуть?» — «Могу, че...». Два слова сказал. Залез и прыгнул. Я спросила его потом: «Ну как?»

Ответил: «Нормально». И всё. Но это был поступок. Я, конечно, тогда не рассчитала, что он-то крепкий парень, мужик, плюс там был покат, — прыгнула и сломала ногу. Потом все второе полугодие делала этюды на костылях — кто-то с фронта приходил, кто-то что-то сломал, — реквизит всегда при мне... Но благодаря Эмису вся моя «движуха» была показана.

Он был очень умный, очень образованный, очень загадочный, с безумно интересным внутренним миром мыслитель. Когда он стал привозить спектакли «Пиромани, Пиромани», «Квадрат», «Дядю Ваню», он звонил, приглашал, предлагал встретиться. Я приходила, смотрела, даже в Литву приезжала. Он возил меня на машине по городу, показывал достопримечательности. И как он интересно мыслит!.. Ехали мы как-то по Вильнюсу, а там стоял памятник-танк, уже весь зеленый от окисления. Я Эмису: «Ой, смотри какой танк!». Он хмыкнул и сказал, что танк похож на его «Жигули», только с дулом.

А однажды я ему рассказала, что Гоголь впал в летаргический сон, его закопали, а потом он проснулся и царапал гроб ногтями, пытаясь выйти. В тот момент Эмис

«Борцы». Х. Джалаф, Э. Някрошюс

ничего не сказал, может, даже не пове­рил, а потом в его спектакле «Нос» я уви­дела результат нашего разговора. На сце­не стоял то ли ящик, то ли сундук, в кото­рый лег человек. От этого ящика тянулась трубка в огромную бутылку с водой. Актер дул в трубку, и вода начинала бурлить, шла пузырями. Тот мой рассказ в голове у Эми­са преломился таким образом. Конечно, может он потом что-то еще прочитал, но как он это сделал в спектакле!

В «Дяде Ване» он замечательно приду­мал, что Вафля все время нюхал духи Еле­ны Андреевны. Хоть таким образом, но прикасался к женщине, которую все хо­

тели. Когда она уезжала, он отдавал ей коробку с духами, прощаясь с ней. Меня потрясли эти моменты. В «Моцарте и Сальери», когда Моцарт откручивает пе­реднюю ножку рояля и просит Сальери поддержать рояль с одной стороны, Салье­ри стоял на одном колене, другим держал, а Моцарт играл...

... Мы с Эмисом вместе играли в спектак­ле «Возвращение неизвестных». Стран­ная пьеса. К трем женщинам приходят три подонка и мошенника. Я помню, мы репетировали, и было видно, что Эмис не актер. Это не его — играть. Он мыслил как сделать, чтобы другие выполнили, а играть не свойственный ему материал, с большим количеством текста... Навер­ное, режиссер сдавали актерские рабо­ты, я точно не помню. Герой Эмиса — афе­рист, который приходит в семью. Это бы­ли очень тяжелые репетиции. Гончаров кричал, Эмис не реагировал. Студенты плакали, пили таблетки, психовали. А он был абсолютного спокоен. Остальные ино­странцы нашего курса не понимали, что говорит Гончаров. А Эмис-то понимал. И это было очень страшно. Все были на нер­вах. Эмису надо было это все прожить, и потом он уезжал, оставалось немного. Он знал, что ставить поедет домой. Это нам нужно было дальше устраиваться и желат­ельно остаться в театре. Но этот литов­ский парень вызывал восторг — в чужой стране, с чужим языком, с чужим мента­литетом, плюс еще не очень комфортное общение с педагогом... Как он это перене­сил! Достоинно, красиво. Красиво по-муж­ски, красиво по-человечески. Он смог. А потом уехал и стал гениальным мировым мастером, художником.

Конечно, он был гениальный. Умение так нестандартно мыслить мало кому дано.

Эмис Някрошюс — национальное досто­яние и гордость. Безумно рано... безумно больно... И этому нет объяснения.

Записала Евгения КУЗЬМИНА
Фото со страницы в ФБ «ГИТИС
им. А.В. Луначарского»